

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Т.Н. МАРКОВА, О.В. ЯКОВЛЕВА
(г. Челябинск, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА В ЗЕРКАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ

С падением «железного занавеса» возможности знакомства западноевропейского читателя с современной русской литературой, а также прямого контакта отечественной и зарубежной критики значительно расширились. Стали доступны, в том числе через Интернет, статьи и рецензии западных славистов, позволяющие сформировать более объемный взгляд на современную словесность, обогатить подходы и оценки российской гуманитарной науки иным аналитическим инструментарием, иным опытом.

В нашей статье мы остановимся на некоторых суждениях англоязычной критики о творчестве популярных на Западе современных российских писателей – Л. Петрушевской, В. Маканина и В. Пелевина.

Прозу Л. Петрушевской в отечественной критике и литературоведении предпочтительно рассматривать в координатах экзистенциального сознания и в свете «поэтики обытовленных мифологем». Мы имеем в виду работы авторитетных отечественных критиков, среди которых – А. Барзах, С. Бочаров, М. Васильева, Н. Иванова, Т. Касаткина, О. Лебедушкина, М. Липовецкий, О. Славникова, С. Семенова, М. Ремизова, Е. Шкловский и др. В зарубежной славистике преобладают мифологический и психоаналитический подходы к анализу ее произведений. Назовем очень показательную в этом смысле работу Е. Гоцило¹. В западных публикациях настойчиво подчеркивается близость Л. Петрушевской к эстетике театра абсурда².

¹ Гоцило Е. Художественная оптика Петрушевской: ни одного «луча в темном царстве» // Русская литература XX века. Вып. 3. – Екатеринбург: Изд-во Ур. пед. ун-та, 1996. С. 109-119.

² Simmons Katy. Plays for the Period of Stagnation: Lyudmila Petrushevskaya and the Theatre of Absurd. Birmingham Slavonic Monographs, No.21, Birmingham: University of Birmingham Press, 1992; Kolesnikoff Nina. Absurd in Lyudmila Petrushevskaya's Plays // Russian Literature. XL111 (1998). P. 469-480.

На Западе её творчество зачастую рассматривают в контексте феминистской литературы, как вариант новой, «антиженственной» женской прозы. Такая проза имеет широкую читательскую аудиторию, но критики к ней относятся весьма неодобрительно, в силу того что в ней изображаются бытовые и эмоциональные драмы российских женщин. Совершенно естественно, что в женской прозе на первом месте стоят семейные проблемы, отношения мужа и жены, матери и детей. Именно здесь Петрушевская предстает как весьма оригинальный, зачастую эпатирующий читателя автор.

По утверждению Жозефины Волл, излюбленная тема русской писательницы – инфантилизация женщинами своих мужей и детей с целью поддержания собственной роли кормилицы. Героиня повести «Время ночь» своими руками создает эгоистичных монстров, причем баловень и вампир в случае Петрушевской – это две стороны одной медали.

В произведении Петрушевской западный исследователь видит провокационный «антиженственный» эпатаж, намеренную фиксацию внимания на невзгодах в жизни героев, физических лишениях, утратах, трудностях, психическом насилии, боли и оскорблениях. Материальные трудности и лишения, изображенные в повести, по мнению критика, отражают подлинные реалии жизни большинства населения российских городов, а также резонируют с русской литературной традицией, перекликаясь с Достоевским.

Герои Петрушевской обитают, фигурально говоря, в башнях, замкнутых, как тюрьма, пространствах. Они испытывают такое чувство, как будто живут в магическом круге (образы круга, воронки, лабиринта, ловушки, порога наполняют все ее повести и рассказы). Атмосфера клаустрофобии, тесноты, суженности, сжатости еще более усиливается разрушением временных рамок. События передаются «методом анаlepsии и проlepsии» (ретроспекции и предсказания), действие «ахронологично», время становится «службой пространства»³.

Проза Л. Петрушевской шокирует западную критику. Через субъективный взгляд своей героини-рассказчицы (в повести «Время ночь» это кормилица большого нескладного семейства, нищая поэтесса Анна Андриановна) она вносит «настроение разрушения священной благодатной материнской преданности», расшатывает веру в традиционно русские аксиомы, в частности, в восприятие интеллигенции как носительницы идеалов цельности и морали.

³ *Wall Josephine. The Minotaur in the Maze: Remarks on Lyudmila Petrushevskaya // World Literature Today: A Literary Quarterly of the University of Oklahoma. V. 67. N. 1. 1993. P. 125-126.*

Разрушение стереотипов последовательно ведет и В. Маканин. На Западе его творчество интересует таких авторов, как П. Роллберг, С. Далтон-Браун, К. Даусетт и др. Канадский славист Н. Шнейдман, в частности, пишет: «Сегодня Маканин – один их немногих русских писателей, кому удалось за пределами брежневской эры сохранить уровень художественности своей прозы. Путем создания экзистенциального мифа Маканин в своих недавних произведениях сформулировал новую концепцию реальности, причем не застывшую, а подвижную и текучую. Он создает сюжеты, впечатляющие своей философской значительностью, которые обновляют без тривиализации обсуждаемые им темы»⁴. Не просто обновление, а начало принципиально новой фазы в развитии российской словесности диагностирует Колин Даусетт в статье «Постмодернистская аллегория в современной советской литературе: “Утрата” Владимира Маканина»⁵.

Исследователь указывает на сложность авторского проекта и настаивает на необходимости прочтения повести в аллегорическом ключе. Вдумчиво и подробно анализируя все три части «Утраты», он высказывает смелое предположение: «Возможно, В. Маканин отвергает не только духовные решения, предложенные советской литературой последних десятилетий, но и сам идеал проекта, который был центральным для всей предшествовавшей прозы». «Утрата», – констатирует исследователь, – это заявление о серьезном затруднении, в котором находится советская литература: о чем должен писать современный русский писатель, о каких идеалах, если все формы идеализма оказались неадекватны действительности».

Ответ Маканина заключается в структуре и стиле его повести. По мнению зарубежного ученого, она представляет в советской литературе западный вариант сочинения. Вместо истории с прозрачной идеей перед нами текст, проблематичный для понимания. В повествовании явлен экзистенциальный кризис рассказчика и анонимного протагониста, и читателю не предложено никакой объективной реальности. Так повесть Маканина демонстрирует важнейшие черты постмодернистского текста.

Западная критика (Брайн Макхейл, например) утверждает, что постмодернисты заново открыли аллегоррию, но их конструкции в лучшем случае оказываются иллюзией или полностью разрушаются при более внимательном чтении текста. Именно это происходит в «Ут-

⁴ *Shneidman N.N.* Russian Literature, 1988-1994: The End of Era. Toronto-Buffalo-London: Univ. of Toronto Press, 1995. P. 86.

⁵ *Dowsett Colin.* Postmodernist allegory in contemporary soviet literature: Vladimir Makanin's Utrata // Australian Slavonic and East European studies, 1990. V. 4. N. 1-2. P. 21-35.

рате». Сначала вроде бы ясна аллегорическая схема, но потом она становится непонятной, так как внешние указатели, обязательные для интерпретации аллегии, совершенно отсутствуют. Тоннель Пекалова оказывается бессмысленным, попытки рассказчика и анонимного героя ни к чему не приводят – так что повесть оставляет читателя в непонятном дискомфорте, и это тоже черта западного постмодернизма – оставлять читателя без определенной схемы. Таким образом, Даусетт говорит о феномене появления постмодернизма в советской литературе. Повесть Маканина, по его мнению, указывает на то, что советская литература вступает в новую фазу и этот новый шаг характеризуется отстранением от идеологических и формальных препятствий, которые сдерживали ее самостоятельное развитие более шести десятилетий.

От фазы зарождения постмодернизма перейдем к его расцвету в отечественной литературе – творчеству Виктора Пелевина.

Парадокс рецепции Пелевина в критике состоит в том, что, несмотря на пародирование «вестернизации» России, западные критики, а также русские «западники» относятся дружелюбнее к писателю, чем их оппоненты-«славянофилы» – самые стойкие критики постмодернизма. Среди них П. Басинский, И. Гетманский, А. Гаврилов, М. Свердлов, К. Евлогин и А. Немзер. Нередко они обвиняют постмодернизм в осквернении православия и русского литературного языка. Игорь Шайтанов сравнивает роман «Чапаев и Пустота» с компьютерным вирусом. По его мнению, слишком опасно поддерживать или передавать такую информацию, так как она разрушает культурную память.

Иного мнения придерживается Александр Генис: «Пелевин за десять лет успешной работы помог развернуть отечественную словесность лицом к XXI веку»⁶. И это вовсе не приметы гибели литературы, а её успешная рыночная стратегия. Речь идёт о слиянии коммерческой и «высокой» литературы. Сабина Хэнсген полагает, что популярный и признанный автор Виктор Пелевин является примером такого слияния. Его роман «Generation П» в той же степени книга «о массовой культуре, как *продукт этой культуры*»⁷. С ней солидарна Хелене Мелан: «...если писатель креативен, то он пользуется новыми свободами; он пишет и так же образно, как наша *любимая поп-культура*, и прерывает

⁶ Генис А. Феномен Пелевина // Сайт творчества Виктора Пелевина. Статьи. <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>.

⁷ Sabine Haengen. Kommerzialisierung der Literatur / Literarisierung der Kommerzes In: Analysen zur Kultur und Gesellschaft im ostlichen Europa, Band 13, Hrsg: Wolfgang Eichwede, Forschungsstelle Osteuropa an der Universitaet Bremen. Edition Temmen. S. 124.

свою повесть псевдо-рекламными роликами»⁸. Он употребляет ненормативную лексику, потому что понимает, что язык – это не священная книга, а живой процесс, – констатирует «Русский журнал»⁹.

Если отечественная критика делает акцент на философской основе как важной черте творчества писателя¹⁰, то западная – на социальной значимости фигуры автора в современном обществе и стиле письма. Суждения англоязычных критиков о творчестве Пелевина можно резюмировать следующим образом: «В его лучших произведениях можно встретить неожиданные лексические и культурные сопоставления, гоголевский юмор, бесстрашную жажду жизни и упорное стремление найти смысл в хаосе бытия»¹¹.

Западная критика провозгласила Виктора Пелевина лидером русского постмодернизма. По мнению многочисленных критиков и читателей, чьи отзывы можно найти во всемирной сети, Виктор Пелевин – революционер русского национального сознания, он стоит в авангарде русской литературы. При этом сам писатель в интервью газете *Guardian* намного скромнее оценивает свою роль: «Я никогда не был героем. Такие люди, как Солженицын, действительно боролись с системой. Я бы никогда не смог этого сделать. Я вообще не уверен, что стал бы писателем, если бы не распад Советского Союза. Возможно, я бы что-то написал, но никогда бы не опубликовал»¹².

Виктора Пелевина, по преимуществу, интересуют процессы, совершающиеся в сфере сознания и *коллективного бессознательного*, индивидуальной психики, их воздействие на ход истории, социальное поведение людей. Отсюда – внимание к феномену идеологии, рекламы, возможностям компьютерных технологий, психоделике, исследование современного состояния *русского национального архетипа*. Сегодня антропологи рассматривают культуру не просто как продукт биологической эволюции, а как ее неотъемлемый элемент, главный *механизм адаптации* к внешнему миру.

Пелевин пытается погрузить читателя в состояние, когда он может общаться с собственным бессознательным, тем самым пробуждая культурную память. Среди его персонажей выделяются те, кого условно можно назвать сталкерами. Они не могут понять, что с ними происходит. Они находятся в состоянии культурного шока, когда не могут

⁸ *Helene Melan*. Generation “ППП” // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 54 (2001), S. 218.

⁹ *Минкевич А.* Поколение Пелевина // Русский журнал, 8 апреля 1999.

¹⁰ *Закуренко А.* Искомая пустота // Лит. обозрение. 1998. № 3. С. 91-95.

¹¹ *Mozur Joseph*. Viktor Pelevin: post-sovism, buddhism, and pulp fiction // World Literature Today, V. 76, N. 2. 2002. P. 58-67. www.ou.edu/worldlit/.

¹² Интервью с писателем Пелевиным // *Guardian*, апрель. 2000.

себя идентифицировать и ощущают раздвоенность, внутренний разлад. Подобные транс приводят к просветлению, выходу в сатори. Пелевин подсказывает читателю способ избежать *когнитивного диссонанса*, возникающего от столкновения с так называемой реальностью (а на самом деле, иллюзией), и достичь гармонии. Он возлагает надежды на коллективное бессознательное и *эволюционную память поколения*.

Прочитав роман «Generation П», отечественная критика сделала открытие о том, что «случилось страшное: телевизионный зритель стал полностью управляемым, переключаемым с программы на программу человеком»¹³. Эта «сенсация» англоязычными критиками была воспринята совершенно равнодушно, так как для них уже давно стала нормой жизни. Соглашаясь с утверждением Пелевина о том, что зритель становится «дистанционно управляемой телевизионной программой», газета пишет: «Да, да, мы знаем: ТВ превращает нас в беспомощные автоматы, с высунутыми языками, миллионы клеток мозга тратятся впустую на 22-минутный комедийный сериал и т.д. и т.п.»¹⁴.

В романе «Generation П», по мнению Сьюзи Хансен, показано, как русские люди некритично имитируют западный образ жизни, Пелевин язвительно изображает рекламный потребительский дух, все обезличивающий. В теории Пелевина пародируется бессознательность тех, для кого счастье и деньги синонимы, и чей смысл жизни в том, чтобы промчатся «в направлении моря на джипе и в обнимку с девицами, которые явно чихать хотели на женское равноправие»¹⁵. Ну чем не американская мечта, американский идеал преуспевания в жизни? Сама теория иронична, потому что играет с популярными стереотипами русского общества.

Для большинства американских критиков в книгах Пелевина интересно, прежде всего, изображение постсоветской действительности и ментальности, отсталой и ущербной, по их мнению. До сих пор в американском обществе живут стереотипы о русской мафии и Советском Союзе как Империи зла. Их смешит советская действительность, а современный рыночный мир они воспринимают откровенно иронически. Сьюзи Хансен усматривает в «Generation П» «беспощадную сатиру на постсоветский корпоративный преступный мир», и не более того. В России Пелевина даже девиз, обещающий «Путь к Себе», оказывается всего лишь магазинной вывеской.

¹³ Роднянская И. Этот мир придуман не нами / И. Роднянская // Новый мир. 1999. №8. С. 207-217.

¹⁴ Suzy Hansen. "Homo Zapiens" by Viktor Pelevin. // Salon. THURSDAY, FEB 21, 2002 17:17 ET. www.salon.com/books/review/2002/02/21/pelevin/index.html.

¹⁵ Пелевин В. Generation «П»: Роман. – М.: Вагриус. 1999. – 302 с. – С. 10.

Возможно, причина таких суждений и оценок в том, что статус писателя в России иной, чем на Западе, он по-прежнему высок: «...Для нас Писатель все еще мессия и пророк, в то время как на Западе эта профессия находится в одном списке с шоуменами и клоунами»¹⁶.

Думается, что для объективного понимания романов Пелевина требуется определенный багаж информации из разных областей человеческого знания: компьютерных технологий, восточных вероучений, российской истории. Проблема англоязычной критики есть следствие невозможности собрать воедино все уровни и пласты пелевинских текстов и воспринять их как единое целое, – а для этого необходимо, чтобы над критиком не тяготели обветшавшие идеологические штампы и эстетические предубеждения.

Проведенный на материале критических статей и обзоров англоязычных изданий анализ позволяет сделать вывод о том, что, наряду с явным сходством в оценках отдельных авторов и произведений, между отечественной и западной критикой имеются существенные различия, отражающие национально-культурные особенности восприятия новейшей словесности в России и на Западе.

Т. РЫБАЛЬЧЕНКО
(Томск, Россия)

ПУШКИНСКИЙ МОТИВ В РОМАНЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ»

В романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» (1975), наполненном аллюзиями и интертекстуальными знаками, есть «боковая» фабульная ситуация, не связанная с развитием основной романной коллизии (делом Зыбина): рассказ одного из сокамерников Зыбина о подаренной им в дореволюционные годы молодому Джугашвили медвежьей шубе, давшей повод для напоминания о долге великому Сталину и для освобождения из лагеря бывшего соратника Сталина. Ситуация вызывает явные аллюзии на известный сюжет о дарении «заячьего тулупчика» Пугачёву в повести А. Пушкина «Капитанская дочка» (1836). Можно условно назвать «мотивом»¹ сходные сюжетные

¹⁶ *Евлогин К.* Проклятье писателя «П» // Сайт творчества Виктора Пелевина. Стаття. <http://pelevin.nov.ru/stati/o-evlo/1.html>.

¹ Сошлёмся на работу, представившую наиболее известные трактовки понятия «мотив»: *Силантьев И.* Мотив в системе художественного произведения: Проблемы теории и анализа. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. Главы 1, 2, 3.